

МИХАИЛ БАЗАНКОВ

ЗАВЕТНЫЙ ЖЕМЧУГ ПОЭТА

Памяти Виктора Лапшина

Прошлой весной прощались... Но тихий голос его слышится над Галичским озером, над Балчугом, над городом и, может быть, по России там, где знающие поэта воспринимают откровения душой и сердцем. Давно ли, кажется, Виктор Лапшин смело заявил о себе в столичных журналах исторической, а вернее, мифологической глубины стихов, написанных в форме народных баллад? И одна за другой появились в столичных издательствах книги нового поэта: пронизательно представил его читающей публике Юрий Кузнецов, призывая господ “снять шляпы...”

21 апреля 2010 года в Галиче близкие и родные, коллеги, друзья, земляки провожали Лапшина в последний путь.

На суетливых “переходах” общество питается “пиарными” продуктами, людям предлагают не останавливаться, не задумываться, отчаянно участвовать в конкурентной гонке, забывая о том, что суета разворовывает время и лучшие качества человека. И потому поэт несколькими строками, даже одной-единственной иногда останавливал: “Даже гениев мысли напрасны, / Если гибель кругом, нищета...”

Он вспоминал пожелание Н. В. Гоголя: “А нужно любить Россию, проездиться по России”. “Проездиться” можно предначертанными путями с помощью молитвы в поэзии, если она от Бога, если она расширяет и собирает пространство, заставляет плакать и смеяться просветлённо. Вот так остановишься, глянешь со стороны – повторишь в согласии с поэтом:

“И не смысл нашей жизни неведом, / А причина его глубины...”

Иногда за философией русского поэта Виктора Лапшина, знавшего, на какой глубине народной жизни “заветный жемчуг копится”, невольно забредёшь в дебри слишком дерзких изысканий и осознаешь неподготовленность своей души: “Жить не диво безгрешным ангелом, / А попробуй-ка человеком...” Грешному приходится в покаяниях считать потери не только свои собственные, но за себя и других: “Слабо помнится, не предвидится, / Оporоче-но всё, что есть. / Ошельмована слава витязя / И оратая втуне честь. / Тайным врагам не в угоду ли / Умолчание да извет? / Хитро предали, ловко продали – / И виновных как будто нет...”

Напоминаю только штрихи сквозных, на много лет направлений поэтического диалога со всеми ради всех. Приходится осмысливать не только географическое, провинциальное захолустье, но и своё собственное. Сначала вопросите: “Как с такую глухую дырою / Ты посмел свою долю связать?” А потом, прозревая, признаться, что забыл: “На этой земле неказистой про-

сияли святые отцы”. Но здесь, в провинции, тоже нередко поэтам жестяными голосами кричали:

*Как он смеет? Да кто он такой?
Почему не считается с нами? —
Это зависть скрежещет зубами,
Это злоба и морок людской.*

Строфа знаменитого поэта — память Виктора Лапшина о нём никогда не туманилась, собственную высоту полётного слова он уверенно набрал в философском и молитвенном сокровенном диалоге с Юрием Кузнецовым. Замеченный сразу же Юрием Поликарповичем был определён в ряд целомудренных поэтов, “после чтения многих его стихов в душе остаётся тонкий аромат обаяния” (“Литературная учёба”, 1983 г.).

А в самом начале пути, по первым рукописям в 1968 году Николай Рубцов писал об ожидании законченных хороших стихов. А смелости желал неизвестному галичанину Виктор Боков. И вот мы, земляки, постепенно могли чувствовать, как возрастал поэт сложный, с широким эпическим видением. И находили подтверждение сказанному Ю. П. Кузнецовым: “...его воображение клубится, его умонастроение глубоко и полно тончайших смысловых оттенков. Человек, Родина, Природа — вот триединый объект его самых пристальных дум. Он способен выхватывать из глубины народной жизни такие человеческие типы, как “Красава”, “Василиса”. Его “Василиса” — новый русский миф большой духовной силы”.

...Горько повторяли мы перед гробом: “Что имеем — не храним...” Слабыми вздрагивающими голосами читали стихи. В моей руке сама встрепенулась и раскрылась книга “Кольцо”, сохраняющая произведения, услышанные за двадцать лет — удалось издать в 1994 году приложением к писательской газете “Литературная Кострома”. И почудилось мне: вспорхнула какая-то дивная птица, а вслед за ней над Балчугом, над озером полетели строки:

*Я не спрошу, куда меня стремится
Судьбины гнев на гибель своеволью:
Где жило сердце — ноет и щемит,
Но уж ни с кем не поделиться болью.*

*Туда, туда, в немую пустоту,
Туда, туда, в трепещущую рану,
Я всей землёю страждущей врасу
И быть собой — блаженно перестану.*

Помнится, после таких строк поэт всё-таки надеялся, что услышат, поймут прежде всего на родине, в древнем Галиче, предназначение которого осмысливал он и воспевал. Мы к административным землякам несколько раз обращались за участием в издании избранных произведений в сборнике “Дозор”. Но объёмная рукопись “под давлением особых обстоятельств” становилась всё тоньше. Со всей России знатоки присылали письма сочувствующие и возмущённые с цитатами от поэта.

“Кратенько” рассказывая о себе в предисловии к сборнику “Знаки судьбы”, изданному в Галиче (2005 г.), Виктор написал: “Мне повезло: я родился в море народного говора, а не на его бесплодном берегу”. Вспоминая мнение профессора Ю. А. Александровского о том, что несовместимо с творческой деятельностью (боязнь порывов, равнодушие к успеху, благоразумие и умеренность, холодное беспристрастие), в предъюбилейном размышлении о своей личной жизни определил, что беды его и вины сплелись воедино, не могли не сказаться на судьбе близких людей. “Великий литературовед и историк Вадим Кожин успокаивал: если бы, дескать, у меня всё шло гладко, не было бы моей поэзии. Похоже на правду”.

*Не одно, так другое воспрянет —
В зыбкой силе, в неверной красе...
Сердцу внятно, как мир океанит
И в слезе и в бессмертной росе.*

*И, за тайной без тайны спеша,
Прозреваяще, властно и сирю
Торжествует, томится душа
Нищетою и величием Мира.*

Виктор Михайлович сам оглядел свой сложный путь. “К себе как к стоявшемуся поэту я прямо-таки продрался. Лишь к 30-ти годам кое-что было написано мною стоящее. Что дремало многие годы, наконец-то проснулось”. В 1982 году пришло счастливое время. Вскоре он был принят в Союз писателей СССР. Под постоянным вниманием нескольких центральных изданий, в особенности журнала “Наш современник”, оказался галичанин в “широком литературном поле”. Отмечен премиями имени Ф. И. Тютчева, В. В. Кожина, от нескольких журналов, еженедельника “Литературная Россия”, костромскими губернаторскими премиями и премией ЦФО. Остались одиннадцать сборников: четыре московских, два ярославских, два костромских, три галичских...

В каждой тоненькой книжце отступает безмятежность и размеренность перед вселенскими тревогами, доступными для восприятия в свой срок не каждому. Немногим дарована способность находить на дне житейского моря заветный жемчуг. Завершаю печальные заметки начальной строфою стихотворения “Человек”:

*Не склонюсь перед гневом и злобою,
На земле я отнюдь не лишний,
Раз по образу и подобию
Сотворил меня Сам Всевышний.*

Виктор так завершил это стихотворение в 2004 году – почему-то надо повторить:

“Жить не диво безгрешным ангелом, / А попробуй-ка человеком...”. Он жил человеком, постигающим тайну небесную и земную. “Может быть, Россия – это тайна, / Но у тайны этой нету дна”... А в посвящении дочери Елене заговорил о неизбежном пределе.

“Последний год Земли мы хмуро коротали, / Весельчаки и те томились и роптали, / И грех уныния умами овладел; / Вещали мудрые, но речь была невнятна; / Причина смуты им сугубо непонятна, / Тем более её таинственный предел”.

P. S. Поэт знал, как у последней черты меняются друзья, дающие клятвенные обещания живым... Но не успел оставить завещания. Собраны книги, публикации в антологиях, журналах, коллективных сборниках, эпистолярные материалы, фотографии. Получено согласие администрации г. Галича на подготовку памятной экспозиции. Родственники, друзья, коллеги намерены создать музейную комнату. В каждом коллективном сборнике, в журнале и тематических изданиях напоминаем о поэтическом наследии Виктора Михайловича Лапшина. Решением правления поручено одному из друзей поэта поддерживать связь с родными, собирать материалы о жизни и творчестве...